

Отмороженные и размороженные

Как либеральные издатели и критики вознесли писателей-ультрапатриотов вроде Александра Проханова и Захара Прилепина, и чем это закончилось

Скульптура «Рабочий и колхозница» со знаком буквы Z в Москве. Фото: Максим Шипенков / EPA-EFE

08:42, 13 апреля 2024,

Андрей Сапожников

специально для «Новой газеты Европа»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Карьера ныне почитаемых в Z-сообществе писателей вроде Захара Прилепина и Михаила Елизарова, ныне требующих **разогнать** либеральный культурный истеблишмент, **ввести цензуру** и **уничтожить** Украину, началась с публикации их романов в прогрессивном московском издательстве, которое печатало тексты Фуко и Делеза.

А сторонник «атомного православия» и канонизации Сталина Александр Проханов, печатавшийся там же, в 2002-м был удостоен престижной премии «Национальный бестселлер» (в жюри сидели Ирина Хакамада и Леонид Юзефович). Еще в 2013-м году Людмила Улицкая видела в Прилепине «человека, полного нежности и сострадания», а британский актер Стивен Фрай **зачитывал** его роман «Санька» для документального фильма PBS. Ну а пишущий ныне стихи для **исполнения Шаманом** писатель Александр Пелевин, как и **Прилепин**, был **гостем** ютуб-шоу Галины Юзефович (и тоже лауреатом «Нацбеста»).

Сегодня фашиствующие писатели, конечно, проклинаят былых друзей и благодетелей. Но где бы они были без тех, кого сегодня называют предателями и **обвиняют** в узурпации культурного пространства? И на чём же был основан столь сюрреалистичный «альянс либералов и маргиналов»? Разбирался Андрей Сапожников.

Антиглобализм a la russe

Начало 1990-х стало временем торжества **неолиберального романтизма** в поп-культуре. Утвердившийся в качестве мейнстрима не только политического, но и культурного, западный глобализм одновременно породил и множество скептиков. Антиглобалистское течение проявлялось в разных формах (и степенях радикальности): от «пессимистичной» прозы Мишеля Уэльбека до откровенно неонацистского романа «Дневники Тернера», **вдохновившего** теракт в Оклахома-Сити.

Применительно к России антиглобализм как феномен рассматривается редко. Хотя, если понимать его широко (через **определение** Оксфордского университета: «Оппозиция неолиберализму и политической власти транснациональных корпораций»), то под эту классификацию вполне можно подвести практически всех противников курса на либеральную реформу.

Национал-большевики, евразийцы, баркашовцы, общество «Память», «суверенных демократов», «новороссов» и, в общем-то, всех системных пропутинских политиков и партии по состоянию на 2024-й год.

Российские антиглобалисты из числа деятелей культуры оказались персонами преимущественно «красно-коричневого» толка, настроенными к вестернизации резко негативно. Кроме того, их объединяло отрицание вкусов **новой постсоветской богемы** — и, за неимением другой контркультуры, они ею и стали.

Симптоматично, что одним из отцов-основателей той же Национал-большевистской партии стал лидер «Гражданской обороны» Егор Летов, который, как известно, «всегда был против» и на всех этапах творчества вступал в эстетическую схватку с официозом и мейнстримом. А что, собственно, в 1990-е можно было назвать культурным мейнстримом?

Огрубляя — феерические пляски на обломках всего советского. Иногда буквально, как в случае с определившим клубную культуру новой России рейвом Gagarin Party в павильоне «Космос» ВДНХ, но чаще — образно, если говорить, например, о соц-арт практиках Дмитрия Пригова. Общий дискурс

российских 1990-х — отказ от идентификации с СССР (газета «Коммерсантъ») деконструкция советских образов (книги Владимира Сорокина), сближение с западными канонами (группа «Мумий Тролль», Земфира), абсурдизм (комедия «Ширли-мырли»), переизобретение буржуазной эстетики (детективы Бориса Акунина), постмодернистская ирония (романы Виктора Пелевина).

Возвращаясь к Летову — почти всё вышеперечисленное он откровенно ненавидел: «Мумий Тролль» и Земфиру критиковал за «манерность и провинциальность», а Пелевина **называл** «современным попсом». «Антипопс» же, то есть альтернативная культура, в 1990-е оказалась представлена почвенниками, сталинистами, имперцами и реваншистами. Теми, кто еще недавно формировал интеллектуальную повестку страны, но с ее распадом оказался на обочине — в маргиналиях.

С которых, как ни парадоксально, назад в мейнстрим — а затем и напрямик в Кремль, — их неосознанно вытянули как раз ненавистные либералы.

Патриоты из катакомб

На рубеже веков в российском обществе происходят тревожные сдвиги. В 1997-м «Коммерсантъ» выпускает **заметку** со ссылкой на социологическое исследование о том, что «более половины россиян сожалеют о распаде Советского Союза». На следующий год премьер-министром становится коммунист с чекистским прошлым Евгений Примаков, своим **«разворотом над Атлантикой»** вернувший Россию на путь конфронтации с Западом. Спровоцировавшие же этот демарш бомбардировки Югославии, в особенности на фоне тяжелейшего постдефолтного кризиса, стали своего рода реквиемом по тому самому евроатлантическому романтизму, ненадолго охватившему молодую страну после установления демократии в 91-ом.

Процессы эти отразила и литература. Одним из первых оформителей культурного «разворота над Атлантикой» стал писатель Александр Проханов. «Соловей генштаба» и «солдат империи», член союза писателей СССР, в разные годы сочувствовавший ГКЧП, ХАМАС, «ополченцам Донбасса» и, разумеется, Иосифу Сталину.

Александр Проханов. Фото: Дмитрий Азаров / Коммерсантъ / Sipa USA / Vida Press

«В конце 90-х возникла глупейшая мода на всё советское. Телеканалы пропагандировали “старые песни о главном”, а прогрессивная молодежь принялась читать Проханова и прославлять “Зарю в сапогах”, — так называлась статья Дугина в газете “Завтра”», — описывает в диалоге с «Новой-Европа» ту эпоху Дмитрий Волчек, ныне редактор «Радио Свобода», в 1997-м работавший в издательском бизнесе.

«Заря в сапогах», наполненная размышлениями о «солярном трансцендентном КГБ», которое способно «стать хребтом

евразийского возрождения» и сбить страну с пути либеральных реформ, вышла в марте 2000-го года. На пятом сроке Путина этот текст выглядит как официальная стратегия государственной национальной политики России. Однако в начале 2000-х, по словам Волчека, всерьез Дугина и его единомышленников мало кто воспринимал: «Проханова обожали за нагромождение нелепых метафор, Дугина считали **кроулианцем** и утверждали, что он пишет свои опусы под воздействием ЛСД».

Другой собеседник «Новой-Европа», основатель издательства Freedom Letters Георгий Урушадзе, в 1990-е продюсировавший передачи на петербургском ТВ, так объяснил приглашение Дугина в эфир ток-шоу «Вовремя!»: «Во-первых, тогда было принято давать слово всем, во-вторых, некоторая фронда против линии партии — вещь полезная... в-третьих, дугинское бормотание хоть и было совсем маргинальным, казалось вполне забавным для шоу».

Забавный кроулианец-психонавт, бормочущий нечто маргинально-антилиберальное, — такой собирательный портрет красно-коричневого интеллектуала был релевантен среди российского креативного класса 1990-х — начала 2000-х, и отнюдь не безосновательно.

По выражению самого Александра Проханова, представители «духовной оппозиции» существовали в своем камерном мире — «катакомбах патриотической реальности». Она жила на страницах имперско-фашистской газеты «Завтра» и русофильского журнала «Наш современник», в сердцах **«анпиловских бабок»** и сторонников **РНЕ**, которым дугинские

сентенции в духе «мужчина должен быть мобилизован на войну, женщина — на страдание» могли казаться чем-то близким и осмысленным.

Значительная же часть интеллигенции, очевидно, воспринимала эти катакомбы как не в меру заносчивое фрик-шоу, с разгромом Дома Советов в 1993-м утратившее какое-либо политическое значение и отныне пригодное разве что для потехи. Ею еще очень долго занимался, например, еженедельник «Коммерсантъ-Власть», периодически обращавшийся к тому же Дугину за «экспертными» комментариями, благодаря чему свет увидели высказывания вроде «Россию **спасает** только то, что мы не чисто белые» или «апогея моя гордость [за Россию] **достигнет** в момент отключения вещания “Эха Москвы”» (сказано в 2008 году. — **Прим. ред.**).

К началу 2000-х российский постмодерн уже вступил в «стадию зрелости». В интеллектуальной среде уже давно правила бал «либерально-демократическая атмосфера» (цитата по Проханову), и ее архитекторы в лице новых модных издательских домов, журналов и писателей имели все основания считать себя «культурными победителями», списавшими в тираж всяческих «прокаженных» (снова цитата по Проханову) деревенских прозаиков и реакционеров из портфолио издательств «Алгоритма» или «Вече». Подобные сбитые летчики прекратили восприниматься как источники угрозы — и стали безобидными образчиками коммунистического китча вроде футболок с Че Геварой.

Александр Проханов (слева). Фото: Дмитрий Азаров / Коммерсантъ / Sipa USA / Vida Press

Кроме того, российская культура успела встроиться в общий европейский контекст, начав рифмоваться с множеством тенденций западной литературы. А одним из доминирующих трендов в прозе того времени как раз и был мягкий антиглобализм. Огромную популярность приобрели Мишель Уэльбек (с критикой общества потребления и мультикультурализма), участник антиглобалистского движения Фредерик Бегбедер (обличающий западную корпоративную культуру), немец Кристиан Крахт (написавший свой дебют *Faserland* о размывании немецкой идентичности в американизации), а «Бойцовский клуб» Чака Паланика и «Американский психопат» Брета Истона Эллиса успешно экранизировали, сделав неолиберальный скепсис частью мейнстрима.

И здесь возникает противоречие. Россия бы и

рада встроиться в это контркультурное направление, однако за неполные десять лет капитализма в стране просто не успели созреть социальные группы, производящие подобную прозу: ни «осознанная» золотая молодежь, ни рекламщики или маркетологи.

Озабоченные «высокими материями» бизнесмены вроде Сергея Минаева возьмутся за перо чуть позже, в середине 2000-х. Пока же антиглобалистскую нишу в РФ занимают не интеллектуалы-яппи европейского типа, а сталинисты и нацболы.

И если западных критиков глобализма возмущали скорее отдельные проявления новой социокультурной реальности, то отечественных антиглобалистов не устраивал сам факт ее существования. Они не критиковали неолиберализм, а жаждали его скорейшего замещения «солярным трансцендентным КГБ».

Империя пишет ответный роман

«Что-то происходит в мировой литературе, люди устали от красивого, сытного, обезболивающего мира... Я вижу несомненную некую тенденцию, новую волну, в которой Проханов, безусловно, находится. Она объединяет сына миллиардера — [писателя Кристиана] Крахта, нищего студента из Харькова — Михаила Елизарова и Проханова», — рассказывал в 2002-м году основатель издательства Ad Marginem Александр Иванов в [интервью](#) газете «Завтра» по случаю публикации романа ее главреда — «Господин Гексоген».

Тогда выход этого произведения в Ad Marginem, а также последующее присуждение ему премии «Национальный бестселлер» произвели в литературной среде довольно громкий

скандал, который трудно понять без контекста. А контекст был следующий.

Ad Marginem появился в 1993-м году как, по выражению философа Бориса Гройса, «орган по насаждению постмодернизма» и рупор французского постструктурализма. Издательский дом знакомит отечественную аудиторию с текстами Жюлья Делеза, Жака Деррида и Ролана Барта, а впоследствии обращает внимание и на российскую постмодернистскую прозу — в частности, Владимира Сорокина, Павла Пепперштейна и Егора Радова.

И вот, издательство со столь «высоколобой» репутацией и аудиторией вдруг публикует пятисотстраничный роман о заговоре спецслужб вокруг взрыва жилых домов в России.

Владимир Путин в финале превратился в радугу, святой Сталин «умучил жидов», а на тарелках «розовели креветки, похожие на маленьких распаренных женщин». «Сионистские заговорщики, демократы-кровопийцы, змеюки-правозащитники, а заодно и благородные чекисты и спаситель отечества по кличке Избранник (то есть мистер Путин) — все они задыхаются под толстым-толстым слоем прохановских красотей», — удивлялась тогда критик «Коммерсанта» Лиза Новикова появлению «Господина Гексогена» на полке «обычно довольно тщательно» отбирившего авторов Ad Marginem.

В издательстве же текст Новиковой сочли признаком истерики либеральной критики: «Ребята просто в панике. Легализованный Проханов сеет панику». Впрочем, тревогу из-за «легализации» подобной литературы вполне можно назвать

обоснованной, если **прислушаться** к Захару Прилепину, еще одному «новому консерватору» от российской прозы:

«Роман “Господин Гексоген”... “взломал” литературную ситуацию. Тогда литература находилась во власти либеральной общественности, которая не пускала на книжные полки “негодяев” вроде меня. Благодаря Проханову получили путевку в литературу не только я, но и Миша Елизаров, Сергей Шаргунов и другие писатели со взглядами левого толка».

Захар Прилепин. Фото: Павел Кашаев / Picvario Media, LLC / Alamy / Vida Press

Очевидно, что повышение репрезентации авторов левых, красно-коричневых или фашистских взглядов самоцелью издателей не являлось. Как рассказывали Проханов и Прилепин, для основателей Ad Marginem их «макабрические истории» представляли интерес первоначально эстетический: они «играли в имперский абсурд» и с безгливостью отнеслись к его перетеканию в реальность в середине 2010-х.

И если в подходе Ad Marginem к изданию условного Проханова действительно прослеживалась некая интеллектуальная

ирония — эксперимент по подсовыванию «гексогена» либеральной публике, то чуть иначе дело обстояло с «Ультра.Культурой». Культовым издательством Ильи Кормильцева, в начале 2000-х публиковавшем в том числе тексты Эдуарда Лимонова, Александра Проханова, Германа Садулаева и других фигур, ныне воспринимаемых (и **переосмысляемых**) в качестве яростных имперцев и «людоедов».

На мой вопрос, не был ли уже в 2000-е очевиден «людоедский потенциал» перечисленных фигур, технический директор Freedom Letters, а в прошлом редактор «Ультра.Культуры» Владимир Харитонов отвечает так: «Наоборот.

В надвигающемся повороте к авторитаризму НБП и связанные и аналогичные движения воспринимались союзником в культурном противостоянии грядущей заморозке».

Для иллюстрации того, в насколько принципиально ином контексте протекала литературная жизнь 20 лет назад, Харитонов упоминает **презентацию** романа Проханова «Политолог» 2005-го года: на ней присутствовал Станислав Белковский (один из авторов **доклада** «Государство и олигархия», якобы послужившего поводом для ареста Михаила Ходорковского) и, собственно, адвокат сидевшего в тюрьме Ходорковского. Он передал литератору письмо, в котором олигарх хвалил «Политолога», — чуть позже по громкой телефонной связи из Лондона это сделал и Борис Березовский.

Своего рода девизом «Ультра.Культуры» была фраза «книга как оружие», которая довольно точно отражала **заявленную** самим Кормильцевым миссию издательства: «Мы будем и дальше

стараться публиковать тексты, вторгающиеся так или иначе в социально табуированные пространства».

Поэтому публицистика Лимонова о «притягательности террора» вполне уместно выглядела на полке с уже упомянутыми «Дневниками Тернера» о необходимости расовой войны. Ко всему прочему, это был период, когда Лимонов выпускал книги про Путина с надписью «Такой президент нам не нужен» во всю обложку и сидел в «Лефортово», — а Проханов собирал деньги в его поддержку.

Кейс Ad Marginem — «Ультра.Культура» крайне любопытен еще и как яркий пример того, насколько сильно фактор издательства влияет на восприятие схожих текстов одного и того же автора. Когда «Господин Гексоген» вышел в приложении к «Завтра» и «Советской России» — это был продукт исключительно для «внутреннего потребления» «ультрапатриотической» аудиторией. После публикации в Ad Marginem же «Гексоген» по умолчанию стал вещью незаурядной и постмодернистской, с чем принялись спорить критики — к произведению в его прежней, «роман-газетной» форме равнодушные. Дмитрий Быков же (после разъяснений Кормильцева) многословно анализировал «Политолога» в «Огоньке» как нечто экстремальное, «за гранью литературы» (но под заголовком «Рвота»).

Сотрудники милиции обыскивают чердак жилого дома в поисках взрывчатки в Санкт-Петербурге, 15 сентября 1999 года. Фото: Анатолий Мальцев / EPA

И Прилепин был прав, когда сказал, что «Господин Гексоген» «взломал литературную ситуацию». Однако сделал это не роман *per se*, а *Ad Marginem*, позволившее подобной прозе стать услышанной и обсуждаемой. Поскольку иначе, как писала Лиза Новикова, прохановский роман «мирно завалился бы на прилавках рядом со своими близнецами: “Гольфом с моджахедами”, “Профсоюзом киллеров” и “Противогазом для Саддама”».

На том же прилавке, вероятно, валялся бы и сам Прилепин, широкая известность к которому также пришла после публикации в *Ad Marginem* романа «Санькя» о молодых нацболах. И уже подготовленная обильным изданием книг Проханова, Лимонова и других радикалов, читающая публика встретила произведение бывшего ОМОНовца не как «красно-коричневое» недоразумение (как это, в общем, было с «Господином Гексогеном»), а как роман пусть спорный, но

достойный.

И лучшей иллюстрацией легитимности «Саньки» стала рецензия, написанная на него Петром Авеном.

Это, без преувеличения, исторический текст, документирующий идейное столкновение элиты ельцинского призыва с будущей путинской.

«Скрытая мелкобуржуазность левых (в молодости) политиков, в общем, дело обычное. Вырастают, моются, надевают пиджак и легко вписываются в критикуемый ранее истеблишмент», — писал Авен о Прилепине в 2008-м году, когда последний еще ходил на «Марши несогласных» и призывал к отставке Путина.

За 2000-е эта группа авторов — Александр Проханов, Эдуард Лимонов, Захар Прилепин, отчасти Михаил Елизаров и Герман Садулаев — прошла примерно тот же путь, что и литераторы-антиглобалисты на Западе. Уэльбек сейчас — вероятно, главная звезда современной французской прозы и живой классик, однако первые его книги провоцировали вполне «прохановское» возмущение (из-за номинации романа «Элементарные частицы» на премию «Ноябрь» в 1998-м ей уже под новым руководством пришлось стать «Декабрем», поскольку прежние владельцы премии творчество Уэльбека просто не признавали).

Как для Уэльбека, так и условного Прилепина борьба за право на существование — давно в прошлом. Прилепин и Елизаров ныне огромными тиражами издаются в АСТ, уже к началу 2010-х собрав всевозможные престижные премии, от «Национального бестселлера» до «НОСа» и «Русского букера». Сам Прилепин,

следуя пророчеству Авена, «вписался» в путинский истеблишмент и построил успешную политическую карьеру, Проханов бок-о-бок с Дугиным регулярно ездит в Кремль на беседы «по идеологическим вопросам», а Лимонов post mortem стал универсальным «протестным идиолом», которого одинаково превозносят и воюющие в Украине **нацболы**, и глянцевого **лайфстайл-журналы**.

И может показаться, что во всей этой ситуации «торжества людоедства» повинны прогрессивные издатели. Но это лишь ретроспективное преувеличение.

Захар Прилепин. Фото: Александр Миридонов / Коммерсантъ / Sipa USA / Vida Press

Симптомы, а не творцы

Если говорить о каких-либо осязаемых результатах, по выражению Дмитрия Волчека, **«прилепинизации»** русской прозы, то с уверенностью можно отметить разве что

возникновение «ультрапатриотической литературной традиции». Ныне ее представляют Z-поэты и писатели, не так давно объединившиеся в «Союз 24 февраля»: в частности, Игорь Малышев, Даниэль Орлов, Алексей Колобродов и другие персоналии, о которых даже глубоко погруженные в литературный контекст современной России люди вряд ли что-то слышали. Наиболее публичным членом «Союза» можно назвать Александра Пелевина, чья публичность — это, в общем-то, следствие его провокативного имиджа и **пропагандистской активности**, но никак не малотиражных романов о метафизике советской истории.

Незадолго до начала войны Пелевин, как и Проханов двадцатью годами ранее, стал лауреатом «Национального бестселлера», однако в 2021-м году «ультрапатриоты» чувствовали себя в контексте «Нацбеста» намного комфортнее. Номинировала Пелевина на премию **призывавшая** уничтожать украинцев пропагандистка Анна Долгарева, а в жюри очутился Михаил Елизаров — в ходе церемонии награждения он со сцены пригрозил одному из присутствовавших писателей ударом «ногой с размаху» за предложение почтить память Эдуарда Лимонова минутой молчания. Впрочем, некогда враждебный к «красно-коричневой» литературной динамике «Коммерсантъ» **усмотрел** в церемонии лишь «переформатированную дореволюционную традицию отвечать за литературный “базар” на дуэли». А «либеральная критика» в лице Галины Юзефович деятельно **превозносила** талант Пелевина и **обсуждала** с ним тонкости «оккультного патриотизма».

Трудно спорить, что при всех медийных ресурсах, направленных на продвижение таких литераторов, с условными «иностранными агентами» от прозы конкурировать они совершенно неспособны. «Ни у Прилепина, ни у Елизарова, и даже у Проханова — нет “солидного публичного капитала” как у писателей. У Прилепина он политруковский. Ни в какое сравнение их популярность... не идет с популярностью

Акунина, Быкова и, например, Донцовой, Иванова или хотя бы Яхиной. И, что примечательно, никак эта популярность наступлению фашизма не помешала», — считает Владимир Харитонов.

Влияние литературных процессов в РФ на политические можно охарактеризовать как весьма несущественное. Поэтому литераторы, издатели, премии и критика в политической сфере зачастую выступают как пассивные акторы, задействуемые властями для обслуживания официальной идеологии. «Всё-таки надо понимать, что Дугина и Ко возвысили не телевизионщики, а Проханова и Ко — не издатели в далекие девяностые, а Кремль. И только потому, что нужно кому-то было поддерживать “имперский» нарратив”», — полагает Георгий Урушадзе, отмечая, что «Ad Marginem, издавшее “Господина Гексогена”, — отличное издательство».

И вправду, Ad Marginem, при публикации в 2000-х «ультрапатриотов» (которые в большинстве своем в таком амплуа еще не рассматривались, тот же Елизаров и вовсе назывался в прессе последователем Сорокина), хотя и исходило из соображений эстетически-контркультурных, тем не менее одним из первых явило читающей публике крайне важный симптом. А именно:

что изрядно подзабытые за 90-е почвеннические нарративы и переосмысленные традиции вновь претендуют на актуальность, что десятилетие «власти либеральной общественности» не сумело переварить и обезвредить это наследие.

«Было понятно, что 1990-е не могут закрыть такой сложный

проект, как Советский Союз, — как бы ни старались Лев Рубинштейн, Пригов... Как бы они ни пародировали эти традиции, они себя еще не отыграли просто», — **уверен** филолог и писатель Андрей Аствацатуров, по мнению которого роман, подобный «Господину Гексогену», неизбежно должен был появиться на фоне происходивших в России социополитических перемен.

В **рецензии** 2005-го года на прохановского «Политолога» Дмитрий Быков, выслушав от Кормильцева аргумент в защиту издания подобной прозы: «Если человек пишет такие романы, а другие люди их печатают и всерьез обсуждают, значит, все действительно уже того, дальше некуда», приходит к выводу: «Деятели культуры перестали быть творцами реальности и решили стать ее симптомами».

Издательствам же в подобной конфигурации отводится роль терапевтов, вычленяющих тревожную симптоматику из литературного потока и в виде отпечатанных томов преподносящих «отчеты о патологии» обществу. Властью и влиянием, необходимыми для «творения реальности», ни сейчас, ни 20 лет назад не обладал ни один издательский дом, а иллюзия обратного продиктована ловкими манипуляциями Кремля по «выдергиванию» из культуры различных идеологем для оправдания собственной политики.

«Беда в том, что те люди, которые 25 лет назад решили поиграть с советским чудовищем, так свыклись с ним, что и сегодня спокойно участвуют в книжных фестивалях на Красной площади и не стесняются того, что окружены бандитами», — резюмирует Дмитрий Волчек.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Источник, далекий от

Зачем нужны кремлевские инсайды — от мемуаров начальника охраны президента до морозилки с телом Путина

09:20, 13 марта 2024, Андрей

Акунин без Фандорина

Он не экстремист, а один из главных писателей России. «Новая-Европа» рассказывает об огромном мире автора, в котором есть место далеко не только детективам

12:25, 21 февраля 2024, Андрей